

ЮРИЙ ХОБА

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

РАССКАЗ

Быстроногий Олень уткнулся лицом в растоптанную и поэтому пахнущую горечью траву прифронтовой рощи. Истошные вопли “скорой” вначале приблизились, но вскоре начали отдаляться и чуть позже умолкли в лабиринте окраинных улиц.

— Наверное, кому-то ещё хуже, чем мне, — сказал Быстроногий Олень, и слова его зависли на встрёпанных кустах жимолости.

Но он ошибся. Пожалуй, во всей округе не сыскать человека, которому было так худо, как ему. Перетянутая ремнём повыше колена левая нога совсем онемела, и теперь от неё по всему телу расплзались холодные черви.

Сразу после случившегося он вскочил, однако нога подломилась, и Быстроногий Олень на мгновение перестал слышать вопли “скорой” и трели невесть каким чудом уцелевших соловьёв. Похоже, угодивший в голень осколок перебил кость чуть пониже колена.

— Увидела бы меня сейчас Люсьена, — пробормотал он сквозь зубы, — с ходу бы перекрестила в Туберкулёзную Улитку.

Нынешнее прозвище он получил от Люсьены, бабёнки настолько беспутной, что от неё отреклась родня:

— Ты точно Быстроногий Олень, — сказала она однажды. — Идёшь — копытцами постукиваешь.

Подмечено верно. И впрямь при ходьбе постукивал копытцами. Но на это имелась причина. Ещё в прежней жизни, до того, как разбежались с женой, по пьяни уснул возле подъезда и напрочь отморозил пальцы на обеих ступнях. А конечности без пальцев — всё равно, что автомобиль без

ХОБА Юрий Иванович — журналист, писатель, фотохудожник. Лауреат премии “Имперская культура” им. Э. Ф. Володина. Живёт в ДНР.

амортизаторов. Никакой мягкости при движении, да и сцепление подставок с почвой уже не то.

— Эх, Люсьена, — выдохнул в измятую траву Быстроногий Олень, — знала бы ты, как мне сейчас хреново...

Обычно человек начинает думать вслух под старость. А Быстроногий Олень, сколько помнил себя, чувствовал одиноким стариком. И только под хмельком испытывал желание найти собеседника.

Поначалу обитатели слепленной под кустами невесть каким образом попавшей на городскую свалку магалебской вишни лачуги, к которой Быстроногий Олень прибилась ещё прошлой осенью, косились:

— Что за сумеречную личность принесло к нашему берегу?

Однако за нового товарища вступилась Люсьена, чьё старшинство признавали ещё трое других постояльцев городской свалки. Ласковый дурачок Бабу и двое рыжебородых братанов, которых разделяли по возрастному цензу — Старший и Меньший. Братаны имели такие косматые бороды, что после трапезы из них приходилось вытряхивать хлебные крошки и увязших мух.

Глядя на эти манипуляции, дурачок восторженно хохотал: “Ба-бу, ба-бу”. Правда, иногда он произносил вполне членораздельное: “Билять”.

Но это случалось редко: когда Бабу сердился или вместо остатков съедобного в аккуратно завязанном пакете оказывались собачьи какашки.

Появление чужака Бабу воспринял радушно и даже похлопал грязноватой лапкой по плечу. Зато братаны подступили с расспросами:

— Кто таков? Почему смурной?..

— Отцепитесь от него! — прикрикнула Люсьена. — Вас же никто не пытал — с какой радости пропили родительский дом? Прибился — пусть живёт. Как говорит наш благодетель Сашок, пара рабочих рук лишней не бывает. А что смурной, то, может, у него душа отшельника.

И то ведь так. Будь у Быстроногого Оленя душа поэта, а не отшельника, он бы, наверное, сказал, что губы Люсьены — изгиб половецкого лука. Правда, изгиб тот утратил былую упругость. Точно так же обмякло и лицо, словно там, внутри, оборвалась связующая нить.

Но как бы там ни было, Люсьена не бросила бы его в теперешнем состоянии. Только потерялась она, как потерялась в лабиринте примыкающих к роще окраинных улиц “скорая”.

Скажи в прежней жизни кто-нибудь Быстроному Оленю, что ему доведётся искать хлеб насущный на свалке, он бы, наверное, огорчился. Откуда ему тогда было знать, что главный городской мусорник — такое же рабочее место, как мастерская по ремонту бытовых холодильников. Только погрязнее и менее прибыльное.

Люсьена хоть и считалась беспутной бабёнкой, однако мужикам спуска не давала. В восемь утра кормила остатками разогретого ужина и выводила на выжидательную позицию в то место, где должны освободиться от своего груза мусоровозки. Ну и потом следила, чтобы смятые в лепёшку бутылки из-под газировки не оказались в мешках с тряпьем или бумажными обрывками.

Иногда товара набиралось по тонне и больше. В таких случаях негласный шеф бригады Сашок делал вторую ходку на грузовичке, который до того пропитался смрадом, что добропорядочные граждане ещё издали начинали зажимать носы большим и указательным пальцами. Точно так же благоухали и перчатки Сашка.

Впрочем, обитатели лачуги на этот пустык не обращали внимания. Человек ко всему привыкает быстро. И если его поселить среди райских кущ, он со временем перестанет замечать их божественное совершенство.

Расчёт с бригадой производился по окончании трудового дня. Сашок каждого оделял пачкой сигарет без фильтра, а потом вручал Люсьене торбу с самогоном и едой.

Помимо пропитания, свалка давала одежду, обувь и прочие необходимые для сносного существования вещи. Так, Быстроногий Олень уже который месяц кряду пользовался вполне пригодными одноразовыми бритвами.

И при этом не забывал мысленно поблагодарить мужика, который аккуратно сложил в пакет три десятка отработанных “Жиллетов”.

Собственно, он порой удивлялся расточительности добропорядочных граждан. Неизвестный чужак даже выбросил толстого литя чарки с клеем стекловых дел мастера на доньшке “Поповъ”.

Попадались и совершенно новые вещи. Как-то в куче тряпья обнаружилась пара босоножек. Люсьена их примерила, не отходя от кассы, и все с удивлением заметили, какие у беспутной бабёнки изящные ступни.

Случались находки и посущественнее. Восемь дней назад на свалку прибился гражданин с расцарапанной физиономией, но при галстукке и в костюме:

— Хотите подзаработать? — спросил он, не выходя из чёрного внедорожника.

— Смотри что надо делать, — уклончиво ответила Люсьена, утрамбовывая мешок с макулатурой.

— Моя дура выбросила в мусоропровод блок из-под сигарет “Мальборо”. А в нем кое-что для меня ценное... Короче, найдёте — десятая часть ваша.

Доставленную мусоровозкой свежую кучу перешерстили за час. Пусто. Но когда приступили ко второй, послышалось радостное:

— Ба-бу, ба-бу...

— Это то, что ты потерял? — спросила Люсьена, глядя на посыпавшиеся из сигаретного блока доллары.

— Оно самое, голуба... Держи полсотни. Тебе — на помаду, мужикам — на бутылку.

— Слышь, гражданин хороший, — молвила Люсьена, и голос её зазвенел, как тетива половецкого лука. — Мы хотя и отбросы общества, но милостыней не питаемся. Обещал десятую часть — гони её. Иначе...

— Билять! — сказал Бабу, выуживая из хлама половинку огнеупорного кирпича. — Билять!..

Оцарапанный попытался было протестовать, но тут же сник. Понял, что лучше потерять малость, чем всё. В том числе, возможно, и голову.

Второй раз за день Люсьена схлестнулась с Сашком. Тот просто ошалел от требования бригады — предоставить недельный отпуск:

— Какие такие отгулы? — вопил Сашок, потрясая смрадными перчатками. — Родина погибает без вторсырья, а они требования выдвигают! Дезертиры трудового фронта, вот кто вы есть! Да и о собственном брюхе подумайте... Я ведь задаром никого харчить не стану!

— То не твоя печаль! — отрезала Люсьена. — Ты лучше завтра свози меня на базар... дельце там одно имеется. И ещё — одолжи палатку, я у тебя в гараже видела... Да не жлобись, вернём в сохранности. А теперь, мужики, слушай мою команду: побриться, патлы я вам сама укорочу, отмыть-ся в ручье и переодеться. После всего переселяемся в рощу на берегу озера. Хоть неделю, но поживём, как порядочные люди.

Отмывались в ручье, который змейкой полз по уставленной кустами серебристого лоха пойме. Когда-то эту пойму именовали Долиной любовных признаний. Но составленные из булыжников письма теперь едва различимы. Всё покрыто репейниковой липучкой и обрывками полиэтиленовых пакетов.

Точно такими же лохмами увешаны стоящие на борту Долины любовных признаний кусты боярышника. Издали они кажутся рождественскими ёлками, но всякий, кто приблизится к ним вплотную, увидит одетых в рубище нищих.

Слава Богу, свалка ещё не добралась до рощи на берегу рукотворного озера. Жаль лишь, что безмятежные деньки промелькнули, словно верстовые столбы за окном поезда. Но ведь недаром же сказано, что ничто не проходит так быстро, как жизнь и отпуск.

Одно утешение — Сашок не поинтересовался, на какие шиши гуляют обитатели лачуги. Проявил деликатность. Хотя, конечно, догадывался, что нашли кошелёк, но это их фарт. О нём в трудовом договоре ни слова.

Но соглашение вскоре пришлось расторгнуть. По ночам в небе над Саур-Могилой зримо раскачивалась огненная зыбка и в ответ на далёкую канонаду кусты серебристого лоха роняли остатки пахучей пылицы.

Чтобы храп товарищей не мешал слушать канонаду, Быстроногий Олень уходил на берег озера, где у самого уреза лежал отполированный задами рыбаков обломок старой вербы. Закуривал сигарету и глядел, как мелкие волны прибывают к увечным ступням огрызок луны.

Однажды, под занавес отпуска, пришла Люсьена, чей залитый вином свитер казался окровавленным. Люсьена присела рядом и тоже стала смотреть на лунный огрызок.

— Ты всё думу горькую думаешь? — спросила она.

— Нет, слушаю.

— Соловьёв? Ишь как хулиганят...

— И соловьёв тоже. Но больше — войну. Ползёт, как гадука в крапиве. Ближе, ближе...

— А стоит переживать? Нам всё равно недолго землю топтать. Средний срок жизни дятла и бомжа — полтора года. Только первый загибается по причине сотрясения мозга, а второй — от водяры. И вообще, Быстроногий Олень, наша судьба — вроде этого огрызка. Или — детской распашонки.

— В смысле?

— Такая же короткая и такая же обосранная... Ладно, пойдём, накатим по соточке. А потом я тебя согрею. Может, хоть чуток оттаешь.

Не оттаял. А когда на восьмой день вернулись в лачугу под магалебскими вишнями, готов был возненавидеть Люсьену. Устроила дурацкую затею с вылазкой на природу, но не подумала, что жизнь после праздника кажется особо поганой. Хорошо хоть догадалась припрятать пару пузырей водки.

Дрожащими руками утвердили между втоптаннными в почву окурками чарки с клеймом на доньшке "Поповь":

— Наливай, боевая подруга!

Закусывали перцами, добывая их через пробойну в боку трёхлитровой банки. Поэтому соленья и оказались на свалке. Но ничего, они люди небрежливые: коль нет иной закуски, сгодится и такая. Надо лишь отряхнуть её от прилипшего стекла.

— Вовремя мы из рощи смотались, — нарушил хруст поедаемых перцев кто-то из рыжебородых братанов. — Слышите, возня в ней...

В роще действительно происходило что-то непонятное. Захлёбывались бензопилы, выжидательно порывивали моторы тяжёлых машин, и всё это сдобривалось щедрым матом:

— Тебе, гадука семибатьюшная... где приказано рыть под блиндажи? А тебя... мать твою... куда занесло? Здесь же под огневые позиции... размечено!..

Возня продолжалась весь световой день, а когда в роще вечернюю зарю сыграли соловьи, обитатели лачуги обнаружили, что война приблизилась к горным карьерам за околицей. Там, в каменном царстве, густо сыпали автоматные очереди и вставали кособокие дымы. Но то была разминка. Настоящее дело распечатали пролетевшие над свалкой стрелы реактивных снарядов.

И тут же всепотрясающим залпом ответила роща. Раз, второй, третий... Быстроногий Олень вначале считал залпы, но потом бросил бесполезное занятие. К тому же рассмешила Люсьена. Заползла под мешки с тряпьем и притихла.

— Люся, — позвал Быстроногий Олень, — а кто ещё недавно утверждал, что нам всё равно помирать?

— Нашёл время, — ответила Люсьена и задним ходом выбралась наружу. — Тем более я не говорила, что не хочу жить. И вообще пора отсюда сматываться. А то попадём под раздачу...

Однако Быстроногий Олень продолжал сидеть, упёршись спиной в мешки, за которыми с минуты на минуту должен явиться Сашок. Отрешённо наблюдал, как народ собирается в путь-дорожку.

Правда, особо собирать-то и нечего. Это добропорядочный гражданин, пакуя пожитки, семью потоми изойдёт. А бездомный подобен шару степного растения перекасти-поле с оборванной пуповиной. Всегда налегке. И уж где проляжет его дорога, так это одному ветру известно.

— Тебе что, особое приглашение требуется? — спросила Люсьена.

— Пережду заварушку здесь. Да и Сашке кто-то пособить должен.

Ушли. Мимо одетых в рубище кустов боярышника, мимо скатывающейся к ручью тропинки. И никто не оглянулся. Наверное, городская свалка не то место, с которым прощаются. Взмахом руки, тем более — протяжным взглядом.

— Куда остальные подевались? — удивился Сашок.

— Откочевали в более спокойные места, — объяснил Быстроногий Олень.

— Я на время, наверное, тоже сверну производство. Держи торбу с харчами и прощевай. Я не мать Тереза, даром кормить не намерен. Но если на цветной металлолом надыбаешь, сговоримся.

Другой бы затосковал, оставшись наедине с ворохами мусора и одетыми в рубище кустами боярышника. Но ведь не напрасно Люсьена сказала, что у него душа отшельника. Послушав ещё чуток автоматную перебранку, добыл из ущербной банки пару солёных перцев, испёк в углях картошек и только после этого наполнил чарку самогоном.

Первую выпил молча. Какой смысл в одиночестве произносить заздравные речи. Но после пятой похвалил перцы, печёные картошки и изделия стекольных дел мастера Попова.

Станным, наверное, казался разговаривающий сам с собой человек у затухающего костерка на свалке. Однако никто не мог видеть Быстронового Оленя. Добропорядочные граждане позабывались в щели, а Люсьена, Бабу и братаны сейчас, наверное, внемлют пострелушкам с безопасного расстояния.

Он так и уснул у костерка. Но разбудила его не утренняя свежесть, а чудовищной силы гром. Вначале Быстрономому Оленю показалось, что приближается гроза, однако на бесцветном, как лицо утопленника, небе не увидел ни единого облачка.

Зато над рощей, где кто-то невидимый крыл матом семибатюшную гадуку, клокотало грязное, в кровоподтёках варево.

— Действительно, вовремя мы оттуда слиняли, — пробормотал Быстроногий Олень, но его не услышали даже мухи. К тому же они были заняты другим: горевали по поводу пропажи парочки рыжих бород, в которых всегда можно поживиться вкусеньким.

Только война вроде склочной старухи. Трудно предугадать, в кого она метнёт стрелы свои. Главное — был бы объект, а повод всегда сыщется. Даже если этот объект — городская свалка.

К сожалению, наблюдавший за громокипящим варевом Быстроногий Олень простую истину понял лишь после того, как очутился лицом в пепле вчерашнего костерка. Оказывается, самая лёгкая субстанция — воздух — может спрессовываться до твёрдости железобетонной плиты.

Второй снаряд воспламенил траву у спуска в Долину любовных признаков, и сразу же польхнули увешанные нищенскими лохмотьями кусты боярышника. Ну а потом фугасы обрушились на свалку сплошным камнепадом. Они наизнанку выворачивали созревшие отходы, и к запаху сгоревшей взрывчатки присоседился убойный смрад.

Однако Быстроногий Олень присутствовал лишь на первой части светопреставления. Обогнув горящие кусты боярышника, он скатился в Долину любовных признаков и помчался куда глаза глядят.

Впрочем, “помчался” сказано слишком громко. Скрывавшая каменные письма трава оказалась так густо переплетена репейниковой липучкой, что пришлось передвигаться прыжками. И если бы кто увидел сейчас Быстронового Оленя, он бы принял его за странного вида зверя, который спасается от идущих по следу охотничьих собак.

И как дикий зверь ищет спасения среди сородичей, так и он бежал к себе подобным. А всё потому, что случаются такие моменты, когда даже распоследний отшельник, гремя ржавыми веригами, стремится к тем, кого прежде упорно избегал.

Правда, у Быстроногого Оленя вместо вериг за подкладкой джинсовой куртки бряцала горсть добытых в мусорных недрах медяков. Их было немного, от силы — на кружку пива. Однако если обезвоженная гортань требует влаги, человек без сожаления расстанется с последним пятакком.

Перевёл дыхание лишь после того, как миновал вынесенную за городскую околицу больничку. Машинально провёл пальцами по “молнии” на брюках — всё ли в порядке? Иначе что подумают люди при виде взмыленного чудака с расхристанной ширинкой?

Впрочем, проверка оказалась лишней. Город замер, словно над ним завис глаз тайфуна. Поэтому Быстроногий Олень очень удивился, когда заметил отпертую дверь врезанной в торец пятиэтажного дома забегаловки “Холодные ноги”. Вообще-то у заведения имелось другое, вполне благозвучное название. Однако, как намёк на устраиваемые в забегаловке поминальные обеды, закрепились “Холодные ноги”. И Быстроногий Олень подозревал, что здесь не обошлось без Люсьены, любившей переиначивать всё на свой лад.

Стараясь поменьше привлекать к своей персоне внимания, осторожно проскользнул в открытую дверь забегаловки. Но та была пуста. Если, конечно, сбросить со счетов сидевшего за угловым столиком толстяка в размалёванной под петриковскую роспись безрукавке и буфетчицы с такими дугообразными бровями, что возникала мысль о конной упряжке.

— Кружку пива, — попросил Быстроногий Олень и высыпал в стоявшую на прилавке пластиковую тарелку мелочь. — Пожалуйста.

— Добавить надо, — буркнула буфетчица и поглядела так, словно в забегаловку пожаловал бродячий пёс.

“А ведь она права, — подумал Быстроногий Олень. — Нельзя любить того, кто питается отбросами. Но если я уйду, меня доконает жажда”.

— Я добавлю, — молвил толстяк. — Заодно плесни мне ещё кружечку... А ты не торчи, падай рядом. Расскажи, что там на улке.

— Спасибо. Был за городом, там... в одном месте. Вначале с дерьмом смешали рошу, потом ударили по свалке... Слушай, здесь курить можно?

Толстяк покачал головой и взглядом указал на буфетчицу. Та, прислонившись плечом к дверному косяку, докуривала тонкую сигарету:

— Потом подымим. Ты давай, рассказывай. А то я похмеляюсь здесь с самого открытия...

Однако Быстроногий Олень добавить к сказанному ничего не успел. “Холодные ноги” трянуло, и что-то стремительное, как стая стрижей, хлестнуло чуть повыше дверного проёма.

— Мужики, — сухим, словно осенний лист, голосом спросила буфетчица, — что это было?

— Осколки, — сказал толстяк. — Мина. Шлёпнись она поближе и... Короче, считай, что в ночной сорочке родилась. А такое не грех и обмыть.

Буфетчица молча добыла из холодильника семисотку “Сибирской”, разлила поровну в три пивных кружки и только после этого позвала:

— Подходите, мужики. Разбавим стресс огненной водой. Я угощаю. Да пошевеливайтесь, черти. По случаю войны закрываюсь.

— Сильная дамочка, — хохотнул толстяк после того, как их выпроводили за дверь. — Приняла на грудь почти двести пятьдесят и бровью не повела.

На покаянный миной тротуар и осыпи под окнами пятиэтажки взглянул мельком. Похоже, его больше занимала буфетчица с дугообразными бровями, чем причинённые миной разрушения.

— Не в диковинку всё это, — добавил он в ответ на удивлённый взгляд Быстроногого Оленя. — В Афгане такими пряниками кормили полтора года. Ну что, давай прощаться...

— Погоди. Не люблю оставаться в долгу. У меня есть бутылка самогонки, закусь...

— Не, похмелился и — будя. Иначе завтра опять придёт “бодун”, а за ним, глядишь, и “белочка” последует. Хотя, ты знаешь, мне сдаётся, что она уже здесь, — указал взглядом на стоящие над крышами домов кособокие дымы и ушёл. Только стеклянное крошево всхлипнуло под тяжёлой поступью.

А Быстроногий Олень остался стоять. Меньше всего хотелось возвращаться в лачугу под магалебскими вишнями, но торчать рядом с “Холодными ногами” всё равно, что околачиваться под воротами закрытого наперучёт рая.

Город словно вымер. Ни собачьего брёха, ни скрипа тормозных колодок. Казалось, разорвавшаяся рядом с забегаловкой мина вымела с улиц всё живое.

Так, наверное, и продолжал бы торчать посреди запустения, но напомнил о себе желудок, в котором плескалась гремучая смесь из пива и водки. Да и курево на исходе.

А там, возле лачуги, в торбе целых четыре пачки, бутылка самогона и еда. Всё это — доля Люсьены, Бабу и рыжебородых братанов, однако он, как единственный наследник ушедших, имел полное право распорядиться имуществом.

Возвращался кружным путём. Через железнодорожный переезд, мимо рощи, где кусты серебристого лоха уже растрясали золотники пахучей пыльцы. Но и здесь держалось всё то же безмолвие. Лишь на опушке рощи повстречался караван бронированных тягачей, которые волокли подбитые гаубицы. Наверное, те самые, которые пашили из рощи.

— Далековато вы, однако, собрались! — удивился Быстроногий Олень, завидев на броне головного тягача размашистые буквы “На Киев!”. Но потом сообразил, что тягачи принадлежат ополченцам и волокут они трофейные гаубицы.

За рощей, хочешь того или нет, пришлось пересечь Долину любовных признаний, которую сторожили расцветенные полиэтиленовыми лохмотьями, а теперь обугленные кусты боярышника.

Неузнаваемой сделалась и свалка. Уже не грачи, а хлопья сажки кружились над её развороченными внутренностями. Но самое главное — исчезла лачуга и окружавшие по периметру вишни. Теперь на её месте образовалась вмятина, которую запросто можно принять за кабанью лёжку.

Хорошо, что костерок он развёл поодаль. И таким образом сохранил остатки имущества. В том числе чарку с клеймом стекольных дел мастера на донышке.

Почему-то вспомнилась Люсьена. Сортируя вторсырьё, она напевала песенку, содержание которой состояло из четырёх безответных вопросов: “Куда пойти? Куда податься? Где переспать? Кому отдаться?”

— Нам! — орали в таких случаях братаны, запихивая в мешки сплюснутые, чтобы больше влезло, бутылки из-под газировки и пива.

— И в самом деле, некуда податься, — молвил Быстроногий Олень, вытирая чарку от прилипшей сажки. — На паперти вакантные места заняты, да и кто подаст, если народ в норки позабывался... Сашок без добычи на порог не пустит... Сходить в рощу и пошарить? Вдруг вояки что-нибудь ценное забыли... Жаль, Бабу нет. Он хоть и дурачок, но фартовый.

Себя таковым он не считал. Правда, случались дни, как сегодня, когда чёрные полосы чередуются с белыми. С насиженного места согнала бомбардировка, но в пустом, как штанина инвалида, городе повстречался толстый мужик в расписной безрукавке, который пригласил за свой столик. Потом расщедрилась буфетчица с дугообразными бровями...

Окончательно в своё везение Быстроногий Олень уверовал, когда обнаружил в роще целые россыпи отстрелянных гильз сто двадцать второго калибра и два блиндажа, один из которых сохранился в приличном состоянии. А ещё два кустами измятой жимолости валялась разбросанная амуниция, пакеты с сухпайками, и посреди этого сказочного богатства, припав на подпорченное осколками колесо, насадкой возвышалась полевая кухня с полным набором посуды.

И хотя котел тоже был пробит осколками, гороховое пюре с говяжьей тушёной показалось тёплым. Повизгивая от нетерпения, Быстроногий Олень навалил полную миску пюре и принялся есть.

Насытившись, закурил и теперь уже неспешным взглядом окинул новые владения. Если в уцелевшем блиндаже сложить печку, то жильём на ближайшее время, включая зиму, он обеспечен. Да и пропитанием тоже. Как ни скуп Сашок, а настоящую цену за гильзы даст. Главное — держать хлебное место в тайне. Отнёс пару-тройку гильз — и будь здоров. Жди следующую партию.

— Если с ножом к горлу пристанет, — решил Быстроногий олень, — скажу, что у вояк со склада таскаю. Пусть проверит...

Однако предаваться радужным мыслям — значит рисковать. Стоит пронюхать добытчикам металлолома, они и полевую кухню утащат. Вместе с поварёшками и гороховым пюре в пробитом котле.

Ещё хранящие пороховой перегар гильзы таскал, словно полешки, по три-четыре за ходку. Складывал в блиндаже таким образом, чтобы осталось место для печки. Но с обустройством можно и повременить. Главное — надёжно препятать свалившееся на голову богатство.

А так как новое жилище вскоре оказалось заполненным под бревенчатый потолок, часть гильз прикопал в зигзагообразной траншее, предварительно выбросив из неё ломкую от засохшей крови солдатскую куртку, сапёрную лопатку и гранату-лимонку. Поддев лопаткой тряпьё, зашвырнул его подальше, а гранату сунул в брючный карман:

— Сашок за такой трофеей ведро самогона выставит. А пожлобится, себе оставлю. Мне теперь безоружному никак нельзя.

Мысль о ведре магарыча плавно перетекла к оставленной возле блиндажа торбе. Прежде о вышивке и съестном в лачуге не забывали. Всё употреблялось без оглядки на завтрашний день.

— Я же пашу и пашу без передыху, — поразился теперешнему своему поведению Быстроногий Олень. — Неужели потому, что стал собственником? И теперь дрожу — не крадутся ли добытчики металлолома?.. Кухню бы схоронить, да разве утащишь в одиночку... тяжеленная, зараза.

Прикрыв для верности зигзагообразную траншею ветками, вернулся к оставленной торбе. Первым делом выкурил сигарету, а заодно малость поостыл от трудов тяжких. Потом спустился в своё новое жилище, где остро пахло потревоженной землёй и сгоревшим порохом. Усевшись на нижней ступеньке, наполнил старинную чарку:

— С новосельем!..

Но завершить начатый тост помешали. Хлопнула крышка котла полевой кухни, а затем послышалось одобрительное:

— Здорово ты придумал, Тимоня!

Быстроногий Олень в три прыжка вылетел из блиндажа и похолодел от увиденного. Возле кухни, задрав головы, стояли двое подростков. Ещё один, чуток постарше, мочился в открытый котел с гороховым пюре.

— Ты что творишь? Вот я тебе сейчас уши оборву!

Мерзавец так резко обернулся, что забрызгал товарищей. Однако, узрев, кто грозит, продолжил начатое:

— Не видишь, что делаю?

— В человеческую еду...

— Уж не ты ли человек? — съехидничал подлец. — Ну, так иди и жри. Я как раз твои харчи поперчил...

— Так его, Тимоня, — одобрили дружки. — Может, ещё и врезать ему, а, Тимоня?

— Запросто, — усмехнулся подонок и, приподняв левое плечо к подбородку, скорым шагом двинулся навстречу.

Широкая, в угрях переносица, глаза цвета спитого чая. Быстроногий Олень хорошо знал этот продукт окраинных улиц. Такой залезет к родимой бабушке в рейтузы за кошельком и не покраснеет. А уж пнуть животину или бомжа — для него сущее удовольствие.

Быстроногий Олень ударил первым, метя кулаком в угреватую переносицу. Ударил исключительно для того, чтобы выиграть пару-тройку секунд и занять выгодную позицию.

Теперь, когда за спиной полевая кухня, у него появился шанс устоять против троих. Если нет должной опоры, а ноги с отмороженными напроочь пальцами таковыми не являются, надо иметь прикрытый тыл.

Однако троица, перед тем как броситься в рукопашную, решила произвести артиллерийскую подготовку. Издали швыряли все, что попадётся под руки. Комья земли, сучья.

Поначалу удавалось увёртываться, но после того, как Тимоня приволок в подоле грязноватой футболки камни размером с детский кулак, понял, что долго не продержаться.

И тогда сделал то, что остаётся загнанному в угол человеку. Выдернув кольцо, Быстроногий Олень взмахнул гранатой:

— Молитесь, отморозки!

Быстроногий Олень почти ничего не смыслил в военном деле. Лишь слышал от братанов, что осколки лимонки разлетаются на десятки метров и что, когда отпустишь рычаг, боёк воспламеняет капсюль через шесть секунд.

Он увидел глаза троицы. Полные предчувствия смерти глаза и понял, что перед ним такие же, как и он, горемыки. С той лишь разницей, что он сполна хлебнул хреновой жизни, а парнишки только пригубили из грязной чаши.

Поэтому гранату метнул не вперёд, а за спину:

— Ложись! — подал команду и сам пригнулся за полевой кухней.

Несущие погибель осколки вновь приняла на себя полевая кухня. И только один отыскал более подходящую цель — человеческую плоть.

Пока Быстроногий Олень приходил в себя и перетягивал ногу ремнём, троица испарилась. Но, странное дело, он не злился на подростков. Давала знать о себе боль в голени и тех местах, куда попали камни, а вот злость исчезла.

Если человека долго пинать, у него теряет чувствительность не только зад, но и всё остальное. И потом, в его положении думают не об обидах, а о том, как спасти собственную шкуру. Иначе ею займутся бродячие псы.

Вопрос в другом — каким образом спасти эту собственную шкуру? Роцца уже не та, довоенная, с кустиками серебристого лоха на берегу озера, в котором плескался лунный огрызок. Везде воронки, оружейные дворики, сбитые осколками сучья. Попробуй, одолей всё это с перебитой пониже колена конечностью.

Через каждые десять-пятнадцать метров Быстроногий Олень отдыхал, уткнувшись лицом в траву, которая, как и всё живое вокруг, приходила в себя после бомбардировки. И попутно прислушивался: не подаст ли заунывный голос “скорая”? Почему-то продолжал верить, что она приехала по его душу.

— Господи, — взмолился Быстроногий Олень, — ведь должны же подростки кому-нибудь рассказать о случившемся... Нет, не расскажут, побоятся. Вот если бы о его беде узнала Люсьена...

И здесь Быстроногий Олень поймал себя на том, что с теплотой вспоминает Люсьену, ласкового дурачка Бабу, рыжебородых братанов. Хоть у тебя и душа отшельника, но бывают такие минуты, когда ты готов отдать даже вновь приобретённое богатство ради того, чтобы вернуть тех, с кем закусывал солёными перцами из разбитой банки.

Вновь подала голос “скорая”. На этот раз почти рядом с опушкой.

— Здесь я! Здесь! — дважды подряд крикнул Быстроногий Олень и пополз, сильно смахивая на подранка, который пытается скрыться от идущих по его следу охотничьих псов.

Однако “скорая” опять затерялась в путанице окраинных улиц. Похоже, Быстроногий Олень оказался прав, когда сказал, что сейчас худо не только ему. Да и кому может быть хорошо там, куда пришла война.